ГЕОРГИЙ
ИВАНОВ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
И 20

Оформление обложки Ивана Лицука

Иванов Г.

И 20 Петербургские зимы : воспоминания / Георгий Иванов. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2027. — 480 с.

ISBN 978-5-389-33849-4

«Петербургские зимы» — мемуарная книга Георгия Иванова, одного из крупнейших поэтов Серебряного века и яркого представителя первой волны русской эмиграции. Книга была написана в 1924–1928 годах. Вспоминая литературную жизнь Петербурга (Петрограда) накануне и в первое время после революции, Иванов воссоздает образ блистательного города и вместе с тем передает ощущение надвигавшейся катастрофы. В книге оживают места, ставшие знаковыми для Серебряного века: кафе «Подвал бродячей собаки», квартира-башня Вячеслава Иванова и др. Иванов пишет об Анне Ахматовой, Николае Гумилеве, Осипе Мандельштаме, Александре Блоке, Михаиле Кузмине, Федоре Сологубе, Сергее Есенине и многих других. Его воспоминания отличаются субъективностью, достоверность отдельных эпизодов лишь условна, однако Иванову удается главное — запечатлеть атмосферу ушедшей эпохи. «Петербургские зимы» будут прекрасным подарком для всех, кто увлекается русской поэзией и хотел бы больше узнать о литературно-артистической жизни Петербурга в начале XX века.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-33849-4

I

Говорят, тонущий в последнюю минуту забывает страх, перестает задыхаться. Ему вдруг становится легко, свободно, блаженно. И, теряя сознание, он идет на дно, улыбаясь.

К 1920 году Петербург тонул уже почти блаженно.

Голода боялись, пока он не установился «всерьез и надолго». Тогда его перестали замечать. Перестали замечать и расстрелы.

— Ну, как вы дошли вчера, после балета?..

— Ничего, спасибо. Шубы не сняли. Пришлось, впрочем, померзнуть с полчаса на дворе. Был обыск в восьмом номере. Пока не кончили — не пускали на лестницу.

— Взяли кого-нибудь?

— Молодого Перфильева и еще студента какого-то, у них ночевал.

— Расстреляют, должно быть?

— Должно быть...

— А Спесивцева была восхитительна...

— Да, но до Карсавиной ей далеко.

— Ну, Петр Петрович, заходите к нам...

Два обывателя встретились, заговорили о житейских мелочах и разошлись. Балет... шуба... молодого Перфильева и еще студента... А у нас, в кооперативе, выдавали сегодня селедку... Расстреляют, должно быть...

Два гражданина Северной Коммуны мирно беседуют об обыденном.

Гражданина окликает гражданин:
Что сегодня, гражданин, на обед?
Прикреплялись, гражданин, или нет?..

И не по бессердечию беседуют так спокойно, а по привычке.

Да и шансы равны — сегодня студента, завтра вас.

Я сегодня, гражданин, плохо спал —
Душу я на керосин променял.

Об этом беспокоились еще: как бы не променять душу «на керосин» без остатка. И — кто устраивал заговоры, кто молился, кто шел через весь город, расползающийся в оттепели или обледенелый, чтобы увидеть, как под нежный гром музыки, в лунном сиянии, на фоне шелестящих, пышных бумажных роз, — выпорхнет Жизель, вечная любовь, ангел во плоти...

Поглядеть, вздохнуть, потом обратно ночью через весь город.

Над кострами искры золотятся,
Над Невою полыньи дымятся,
И шальная пуля над Невою
Ищет сердце бедное твое...

Ну, может быть, сегодня еще до моего не доберется. Чего там!

* * *

Петербургская сторона — Плуталова улица. Место глухое, настолько глухое, что даже милиция сюда не заглядывает. Иначе не обнаглел бы какой-то проживающий здесь спекулянт до того, чтобы прибить у дверей вывеску о своей торговле. На вывеске стоит черным по белому: «Здесь продаеца собачье мясцо».

На Плуталовой живет В., занимает комнату с кухней в грязном шестиэтажном доме.

В. — бывший писатель. Что-то печатал лет пятнадцать тому назад, чем-то даже «прошумел». Теперь пишет «для себя», т. е. ничего не пишет, делает только вид.

В минуты откровенности — признается: «Плюнул на литературу, жить красиво — вот главное».

Он странный человек. Писанье его бесталанное, но в нем самом «что-то есть». Огромный рост, нестриженая черная борода, разбойничьи глаза навыкате — и медовый монашеский говор. Он то сидит неделями в своей «квартире», обставленной разной рухлядью, считаемой им за старину, с утра до вечера роясь в книгах, то пропадает на месяца неизвестно куда.

— Где это вы были, В.?

Улыбочка. — Да вот, на Афон съездил...

— Зачем же вам было на Афон?

Та же улыбочка. — Так-с, надобность вышла. Ничего, славно съездил. Только, досадно, в дороге кулек у меня украли с драгоценными вещами: бутылкой зубровки старорежимной — вот бы вас угостил — и частицами святых мощей...

Через полгода — опять. — Где пропадали? — Да на Кавказе пришлось побывать, в монастыре одном...

Вот к этому эстету из семинаристов, с наружностью оперного разбойника, я решил пойти переночевать.

Дело было такое: я засиделся у знакомых на Петербургской стороне (а жил в самом конце Бассейной). Когда собрался уходить — оказывается, без четверти одиннадцать, и если идти домой, обязательно попаду на обход и в участок, так как не только ночного пропуска, но и обыкновенной трудкнижки у меня нет. Ночевка в милиции — вещь неприятная, да и вопрос еще, как обернется наутро: могут отпустить, могут и отправить в Чека. Воскликнуть, как Мандельштам (кстати, смертельно милиции боявшийся):

Мне ночного пропуска не надо,
Часовых я не боюсь, —

было бы неблагоразумно. У знакомых, где я засиделся, ночевать было негде. Я и вспомнил о В., жившем неподалеку.

Тяжелого висячего замка на входной двери не было, — значит, дома. Но на стук мой никто не ответил. Неужели ушел? Я постучал сильнее. Шаги и голос В.:

— Что ломишься в такую рань? Проваливай. До двенадцати все равно не пущу.

Решив, что вряд ли это ко мне относится, я постучал еще и назвал себя.

В. сейчас же открыл. — Голубчик! Какими судьбами? Желаете согреться? — Он пододвинул мне рюмку.

Сам В. уже, по-видимому, «согрелся» на сон грядущий. Ворот косоворотки расстегнут, лицо красное, в глазах маслянистый блеск. Впрочем, это было обычное его состояние — ни пьян ни трезв. Вечное «навеселе».

Узнав о моем намерении переночевать, В. как-то засуетился.

— Да если вам неудобно, вы скажите, я уйду.

— Что вы, что вы, дорогой. Очень удобно, очень приятно. Только... — Он опять забегал глазами... — Вам-то будет ли удобно?

— Обо мне не беспокойтесь.

— Конечно, конечно... Но будет ли вам?.. Крепко ли вы спите?

— Очень. К тому же чрезвычайно устал — целый день на ногах, прямо валюсь...

— Вот, вот... — В., по-видимому, обрадовался. — А то ко мне придет тут... Один книжник... Сосед... Книжки кой-какие разобрать... Так я боялся, не помешаем ли мы вам.

Я успокоил В., что никто и ничем мне не помешает. Несмотря на мои отказы, он уложил меня на свою кровать, за рваный штофный полог.

— Ничего, ничего — тут и вам будет удобнее, и мне спокойнее. А я на диванчике пересплю — прекрасный у меня диванчик.

Кровать была широкая и мягкая... В. в другом углу комнаты шуршал книгами, позванивал ложечкой о стакан... Сосед-книжник не приходил...

...Я проснулся. За занавеской шел тихий разговор. Говорил больше чужой голос, вкрадчивый и скрипучий. В. только изредка вставлял что-нибудь.

— От Бога-то вы отвернулись. Отвернулись, ладно, очень хорошо. Но мало от Бога отвернуться, мало, друзья. Надо еще перед *Ним* заслужить. Так, думаете, он вас и примет сразу, так и начнет помогать, едва крест с шеи долой...

— Да как же заслужить? Церкви ему строить? Акафисты петь?

— И церкви, и акафисты, и в сердце своем его одного иметь. Главное — в сердце иметь. Тогда он и поможет.

— Что же тогда будет, когда поможет?

— Все будет, все, слышишь? Булки разные и ветчина, и шпроты, и белая головка — чего хочешь. И не за деньги, хотя бы по старой цене, а даром — бери что желаешь, ешь что желаешь, пей — все бесплатно на вечные времена, только его в сердце держи...

Я осторожно приподнялся и заглянул в прореху в пологе. В. сидел за круглым столом. Перед ним, спиной ко мне, какая-то фигура в полушубке. На черепе большая плешь, окруженная жидкими светлыми волосами. Поза понурая, шея ушла в плечи...

— ...в сердце держи, да. — Говоривший помолчал минуту. — Ну, так вот, прежде всего, как уговорено — пять тыщ...

— Уже и пять? Вчера было три!

— Пять тыщ... — повторил старик, — меньше никак не справиться. Потом, вот записочку эту возьми, переписать

надо, знаешь. Да не на машинке, от руки. Потрудись во славу его.

В. стал, вздохнув, отсчитывать деньги. Старичок, аккуратно пересчитав, спрятал.

— Ну, мне пора. Покойнички-то мои, верно, беспокоятся — две ночи пропадаю. Все дела, дела...

— И не страшно тебе на кладбище?

— Чего же страшно? Напротив — компания приятная.

— И не гадко?

— Что же такое — гадко? Конечно, если кто еще червивый и лезет к тебе... А которые долго лежат, подсохли... Что же в нем гадкого? Из баб такие попадаются экземплярчики...

— Молчи уж. Спать потом не буду, как понарасскажешь...

Старичок захихикал. — Какой слабонервный! А еще министром у нас хочешь быть. Хватит с тебя и сенатора, когда придет наше время, хе... хе... Ну ничего, главное — помни: его в сердце держи...

— Г. В., вы спите? — окликнул меня хозяин, проводив гостя.

Я не отозвался. — Спит, — пробормотал В. Он еще долго возился, что-то отпирал и запирал, звенел ключами, шуршал бумагами, вздыхал. Наконец улегся, потушил свет и начал посапывать. Под его посапыванье — заснул и я.

Утром, когда я уходил, В. еще спал тяжелым и крепким сном пьяницы.

* * *

«Перепишите и разошлите эту молитву девяти вашим знакомым. Если не исполните — вас постигнет большое несчастье...»

Дальше шла молитва: «Утренняя Звезда, источник милости, силы, ветра, огня, размножения, надежды...»

— Странная молитва. Ведь Утренняя Звезда — звезда Люцифера.

— Странная! Не это ли велел В. переписывать его старичок, чертопоклонник, помнишь, я тебе рассказывал?

Разговор шел полгода спустя в квартире Гумилева, на Преображенской. Сидя у маленькой круглой печки, Гумилев помешивал уголья игрушечной саблей своего сына.

— Странная молитва! Возможно, что именно В. ее прислал, раз он, как ты говоришь, возится с чертовщиной. Но глупо, зная меня, посылать мне такие вещи. Какой бы я был православный, если бы стал это переписывать и распространять?

— Глупо вообще рассылать. Кто же станет переписывать?..

— Ну, положим, станут. Во-первых, большинство и не разберет, в чем дело, подумают, просто какой-то акафист. А кто и разберет, все-таки перепишет, пожалуй, если суеверный человек. А ведь большинство скорее суеверные, чем верующие.

— То есть из боязни, что с ними случится несчастье, перепишут?

— Конечно.

— Какая чушь!

Гумилев постучал папиросой по своему черепаховому портсигару.

— Не такая чушь, как ты думаешь. Эти угрозы, поверь, не пустые слова.

— Тогда тебя должно теперь постигнуть несчастье?

— Должно. Несчастье будет на меня за это направлено, я не сомневаюсь. Не улыбайся, я говорю совершенно серьезно. Кто-то сознательно послал мне вызов. Я сознательно, как христианин, его принимаю. Я не знаю, откуда произойдет нападение, каким оружием воспользуется противник, — но уверен в одном: мое оружие — крест и молитва — сильнее. Поэтому я спокоен.

— Удивительно. То В. и его старикашка, теперь эта молитва, твой разговор. Какой-то пятнадцатый век! Никогда не думал, что существует что-нибудь подобное.

— А вот, представь, существует. Можно прожить всю жизнь, ничего об этом не зная, — и это самое лучшее. Но легко случайно, как ты с ночевкой у В., коснуться чего-то, какой-то паутины, протянутой по всему свету, — и ты уже несвободен, попался, надо тебе сделать какое-то усилие, чтобы выпутаться. Не сделаешь — можешь пропасть. И заметь, — до вечера, проведенного у В., жил ты и никогда ни с чем таким не сталкивался. А столкнулся раз, сейчас же тебе попадается и этот акафист, и наш разговор, и будет непременно еще попадаться. Кто-то *там* тобой уже интересуется. Может быть, мне и прислали этот листок только для того, чтобы ты его прочел. Или, наоборот, — охота идет за мной, а ты ни при чем...

— Ты меня пугаешь, — рассмеялся я.

— Не пугайся, дорогой, — пугаться никогда не следует. Но и шутить с этими вещами не следует тоже. Но бросим этот разговор — хватит. Пойдем прогуляемся...

* * *

Падает редкий, крупный снег. Вдоль тротуара бурые сугробы, под ногами грязь...

...Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...

Впрочем, это уже не зима — середина марта. Еще мерзнут без перчаток руки, но дышать уже легко — весна.

Над голыми ветками «Прудков» грузно пролетает ворона. Мальчишки на углу Греческого торгуют папиросами.

— Почем десяток? — Триста. — Хватил!

— Пожалуйте, гражданин, у меня двести. — У него липа, берите у меня — двести пятьдесят...

...Вонь серной спички, зеленоватый дымок папиросы. И у папиросы, закуренной в этом теплеющем воздухе, — уже особый, «весенний» вкус.

— Куда же мы пойдем?

Гумилев стряхивает снег со своей обмерзшей дохи и поправляет чухонскую шапку с наушниками.

— Ты не торопишься? Прогуляемся тогда до лавры. Мне надо там к сапожнику.

— С удовольствием. Но что за идея подбивать подметки у лавры, когда сапожник есть на твоей лестнице?

— Ну, мой у лавры не простой сапожник. Я поэтому к нему и хожу. Умнейший старик. Начетчик — Священное Писание знает, как архиерей, о Пушкине рассуждает. Я Лернера к нему свести собираюсь — пусть потолкуют.

— Какой-нибудь скрывающийся генерал или профессор?

— Ах, нет — мужик с Волги, в тридцать лет писать научился. Но умнейший человек и презабавный. Вроде Клюева, только поострей. Да ты сам увидишь.

Мы прошли Старый Невский и, обогнув лавру, свернули в какой-то проулок. Деревянный забор, двор, засыпанный снегом, потом сени, лесенка, наконец — узкая дверь с молотком-колотушкой. Открыла босоногая девчонка. — «К Илье Назарычу? Дома».

...Проворно работая шилом при свете коптилки, старик в грязной блузе, поблескивая из-под железных очков колкими глазками, говорил:

— Вы, Николай Степаныч, извиняюсь, ошибаетесь. Пушкин, Александр Сергеевич, России не любил. До России ему дела никакого не было. Душой он немец, вот что. А любил он, ежели желаете знать, жену да Петра.

— Какого Петра?

— Петра Первого, Великого, как его зовут. А почему велик — все потому же: немец был, не русский.

— Вы, Илья Назарыч, заговариваете⟨сь⟩ что-то. Пушкин — немец, Петр Великий — немец. Кто же русские?

— Русские? — Старик пристукнул пузырь на распластавшейся подметке. — Хе-хе... Кто русские...

(Где я слышал этот хрипловатый голос и это хихиканье? Ведь слышал же?)

— Русские? Как бы вам сказать... Ну, для примера, вот вам наш Санкт-Петербург — град святого Петра, хе-хе... Кто его строил? Петр, скажете? Так ведь не Петр же в болоте по горло стоял и сваи забивал? А Петра косточки в соборе на золоте лежат. А вот те, чьи косточки, тысячи и тысячи, вот тут, — он топнул ногой, — под нами гниют, чьи душеньки неотпетые, ни Богу, ни черту не нужные, по Санкт-Петербургу этому по ночам по сей день маются и Петра вашего, и нас всех заодно, проклинают, — это русские косточки, русские души...

Он опять согнулся над сапогом.

— Трудно на вас работать, господин Гумилев. Селезнем ходите, рант сбиваете. Никак подметку не приладишь.

— Это у меня походка кавалерийская.

— Может, и кавалерийская, только, извиняюсь, косолапая...

— Все-таки, Илья Назарыч, почему же Пушкин — немец?..

Старичок опять захихикал:

— А вот, я вам стишком отвечу:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой стройный, строгий вид,
Невы державное теченье,
Береговой ее гранит.

— Ну, как по-вашему? Люблю! Что же он любит? Петра творенье. Русскому ненавидеть впору, а он — люблю. Немец! Державу любит! Теченье! Гранит — нашими спинами тасканный, на наших костях утрамбованный!.. Ну?..

— Я тоже люблю, однако русский.

— Ну, это потом разберут, русский вы или нет... Готовы ваши сапожки. Деньгами платить будете или потом мукой рассчитаетесь? Мукой? Ладно. Сейчас вам их заверну.

Шаркая, сапожник вышел.

— Забавный старик.

— Очень. Немного тронувшись, кажется.

— Пожалуй. Но умница. Слышал, как рассуждает? Его бы в религиозно-философское общество, а не сапоги чинить... И в комнате у него как мило. Смотри: чистота, книжки разложены. Что это он пишет, давай посмотрим?

Гумилев отвернул обложку копеечной тетрадки. На первой странице было старательно выведено:

«Утренняя Звезда, источник милости, силы, ветра...»

— Вот ваши сапожки...

Гумилев обернулся с тетрадкой в руках:

— Что это такое, Илья Назарович?

Старик поглядел из-под очков, пожал плечами.

— Такое, что по чужим комодам шарить не полагается.

— Вы, значит, мне это прислали?

— Выходит, что я-с.

— Зачем?

— Там было указано зачем — переписать и разослать.

— Да вы сами понимаете, к кому эта молитва?

Сапожник насупился:

— Нет у меня времени, граждане, к сожалению, времени не имею. Вот ваши сапожки. Дозвольте деньги за работу — ждать муки мне несподручно. И, если по сапожной части, ищите, господин, другого мастера. Я в деревню уезжаю...

...Где я слышал этот голос? А! — вот что...

— Уезжаете? Покойнички беспокоятся? — сказал я тихо.

Старик посмотрел на меня насмешливо:

— Чего им беспокоиться, молодой человек? Им в земле покойно. Это скорее живым следует. Мое нижайшее, граждане.

* * *

Через год, под грохот кронштадтских пушек, я шел по Каменноостровскому. Меня окликнули — В., какой-то облезлый, похудевший.

— Что с вами?

— На Шпалерной сидел. Попал в засаду.

— Где же?

— Так, из-за спирта. Сапожник один спирт мне доставал. Зашел к нему — ну а там засада. Три месяца продержали...

— Сапожник? Это не в лавре, не Илья Назарыч?

— Вот как! Значит, спите вы не так уж крепко. Верно, Илья Назарыч. Но откуда же вы имя и адрес знаете?

— Не только адрес, но и был у него, и не прочь бы еще зайти, потолковать. Может, пойдем вместе?

В. криво улыбнулся:

— Трудновато это: в декабре еще расстреляли. За спирт. А жаль — славный спирт продавал, эстонский, и брал недорого.

II

Летом 1910 года, на каникулах, я прочел в «Книжной летописи» Вольфа объявление о новой книге. Называлась она «Студия импрессионистов».

Стоила два рубля.

Страниц в ней было что-то много, и содержание их было заманчивое: монодрама Евреинова, стихи Хлебникова, что-то Давида Бурлюка, что-то Бурлюка Владимира, нечто ассирийское какой-то дамы, с ее же рисунками в семь красок.

Я эту «Студию» выписал. Потом, у Вольфа, мне рассказывали, что я был одним из трех покупателей. Выписал я, выписала какая-то барышня из Херсона и некто Петухов из Се-

мипалатинска. Ни в Петербурге, ни в Москве не продали ни одного экземпляра. Только мы трое не пожалели кровных двух рублей, не считая пересылки, за удовольствие прочесть братьев Бурлюков с ассирийскими иллюстрациями в семь красок.

Только мы: я, барышня из Херсона и Петухов. Трое из ста шестидесяти миллионов.

О Русь! О rus!

Но это потом мне объяснили у Вольфа. Тогда же, выписывая, я испытал даже некоторое беспокойство: получу ли, не распродана ли?

«Студия импрессионистов» внешностью не разочаровала. Формат большой, длинный, обложка буро-лиловая, с изображением чего-то непонятного: может быть, женщина; может быть, дом. Ассирийские рисунки тоже были недурны, хотя семь красок оказались преувеличением. Красок было две, все тех же — бурая и лиловая. Содержание же, «сплошное дерзанье», — просто меня потрясло. С завистью я перечитывал стихи про оленя, затравленного охотниками:

И вдруг у него показалась грива
И острый львиный коготь,
И беззаботно и игриво
Он показал искусство трогать.

Или знаменитых впоследствии «Смехачей» — «о, рассмейтесь, смехачи, смеюнчики, смеюнчики...»

Не то чтобы мне очень нравилось: Бальмонт и Брюсов были мне гораздо больше по душе. Но как не позавидовать смелости и новизне?

Что все это крайне ново, смело и прекрасно — не оставалось сомнений после вступительной статьи редактора студии К., очень истово это объяснявшего.

Я перечел эту статью с почтением.

Потом с завистью монодраму — переворот в драматическом искусстве, как она тут же рекомендовалась.

Потом «Смеюнчиков».

Потом снова монодраму...

Естественно, что «еще потом», через недели две, я отправил на почту заказной пакет с десятком буро-лиловых стихотворений, без определенного размера и с сопроводительным письмом на имя редактора К.

Отправив, стал ждать ответа. Некоторый опыт мне подсказывал, что ответ придет не скоро и вряд ли обрадует. Но, против обыкновения, ответ пришел сейчас же. И какой ответ!

На листе шершавой бумаги, тоже лиловато-бурой, — стояло:

— Дорогой друг. Присланное — шедевр. Пойдет в ближайшей книге. Приветствую и обнимаю...

Да, это была не «Нива», после двух месяцев «сомнений и надежд» возвращавшая рукописи с неизменной отвратительной припиской: «М. г. К сожалению...»

* * *

Каникулы кончились — я вернулся в Петербург. К., издатель «Студии», приглашал меня сейчас же по приезде к нему зайти. Конечно, мне очень хотелось это сделать. Знакомство с влиятельным издателем передового альманаха, встреча с такими людьми, как Бурлюки или Борисяк, литературная жизнь, новаторство... Казалось, чего бы лучше? К сожалению, здесь было маленькое «но», сильно меня смущавшее...

«Но» — было в следующем. Как я пойду знакомиться со своими «импрессионистами»? Ведь тогда обнаружится мой позор: шестнадцать лет и кадетский мундир с золотым галуном на красном воротнике. Лета еще ничего, лета можно и прибавить... Но мундир...

К. рисовался мне господином вдохновенного вида, длинноволосым, бледным, задумчивым. Вот я написал ему, что приду, он меня ждет. Вот я подымаюсь на шестой этаж, в его поэтическую мансарду, увешанную бурыми картинами и заваленную лиловыми рукописями. Звоню. Он смотрит на меня с недоумением. — «Вы, верно, ошиблись, молодой человек, это в третьем этаже, у полковника, сын кадет...»

Но, предположим, — все обойдется. Он же писал, что стихи мои — шедевр, а ведь суть в стихах, а не в возрасте или в мундире. Все равно, выйдем мы, например, на улицу. Он говорит — посмотрите, дорогой друг, солнце сегодня совершенно фиолетовое... А в это время навстречу генерал. И вместо того чтобы согласиться — да, вы правы, как фиалка, или со вкусом возразить: «Фиолетовое? Я бы сказал, зеленоватое...» — надо вытягиваться во фронт (три строевых шага, поворот на каблуках — ать-два). Он предложит — зайдем в ресторан, поболтать за бутылкой вина. — Извините, мне можно только в кондитерскую. Да и в кондитерской беги сейчас же к офицеру. — Господин поручик, разрешите сесть...

После долгого раздумья я решил выждать, когда уедет в деревню старший брат, и отправиться к К. в его штатском костюме. Я уже примерял тайком этот костюм: немного мешковат, и брюки плохо подворачивать — но в общем прилично. Пока же я отослал К. тетрадь новых стихов, с припиской, что болен и зайду, когда поправлюсь...

...Был понедельник, но я сидел дома, «отдуваясь», как говорилось в корпусе, от какой-то «письменной». Было часа два дня. Я с грустью поглядел в окно — в учебные часы благоразумнее не выходить. Вот идет, например, генерал. — Кадет, почему вы не в корпусе? Ваш билет. — Неприятностей не оберешься.

...Генерал за окном перешел улицу, осмотрелся и завернул за угол — как раз к нашему подъезду. Это был сухонький, строгого вида старичок, военный доктор, в очках и с малиновыми отворотами шинели. Я отошел от окна и сел за неоконченные стихи. Но рифма что-то не подбиралась...

Вдруг брат, тот самый, на костюм которого я рассчитывал, вбежал в мою комнату с взволнованным видом. — Вот — достукался — пришел доктор из корпуса — проверять, болен ли ты...

С понятным смущением я вошел в гостиную. В гостиной сидел тот самый сухонький генерал, который переходил улицу.

— Зашел познакомиться, — сказал он, протягивая мне обе руки. — Я — К., редактор «Студии импрессионистов»...

* * *

...Ярко начищенная медная доска. Доктор медицины К., часы приема. А повыше, на красном сукне двери, кнопками приколот клочок оранжевого картона:

КЛУБ РАВНОДЕЙСТВУЮЩИХ.
АСОЦ-ХУД-ПОЭТ-ФУТ-КУБ,
ИМПРЕССИОНИСТОВ.

Квартира большая, солидная. Приемная с тяжелой мебелью — чехлы, люстры, канделябры, бронзовый медведь с блюдом пыльных визитных карточек.

На столе — старая «Нива», на стенах — пожелтевшие группы: «Военно-медицинская академия 1879 г.», «Ярославль 1891 г.». Все, как полагается.

Но вперемежку с номерами «Нивы» и проспектом Ессентуков — «Помада» Крученыха, обклеенная золотой бумагой, как елочная хлопушка, альманах «Засахаре кры» и обличительный увраж «Тайные пороки академиков». И на стенах, вперемежку с группами, — картины.

Картины, малоподходящие для докторской приемной: малиновые, бурые, зеленые, лиловые. Там серый конус на оранжевом фоне, здесь желтый куб на бледно-синем, между ними что-то пестрое, всех цветов, и по пестроте — надпись: «Астрахан... сельд...»

Это все работы самого К. Подарки друзей и единомышленников по «асоц-худ-фут-кубу» — украшают кабинет.

В кабинете, у большого письменного стола, в мягком свете лампы — две фигуры. Дымя душистой папироской, заложив руки в карманы мягкой серой тужурки, поблескивая золотыми очками, — доктор беседует с пациентом.

Сразу видно, что сидящий напротив — пациент. И вряд ли не душевнобольной.

У него вид желтый и истощенный, взгляд дикий, волосы всклокочены. Говорит он заикаясь, дергаясь при каждом слове, голова трясется на худой, длинной шее. Он берет папиросу и не сразу может закурить — так дрожат руки. Закурил и сейчас же бросает, хватает новую папиросу, чтобы опять бросить...

Иногда он что-то порывисто шепчет. Доктор, поблескивая очками, кивает седой головой и делает карандашом какие-то пометки. Отмечает ход болезни. Пишет рецепт.

Но прислушайтесь к их разговору.

— Отлично, — говорит доктор. — Форма бытия — треугольник. Следовательно, душа треугольна.

— Ддддаа, — дергается «пациент». — Тттрреугольна иии пппррямоугольна.

— Хорошо, — кивает доктор. — Значит, запишем: Душа — мысль — треугольник. Смерть — чрево — круг...

— Ннет, — волнуется «пациент». — Ннет... Пишите: ччрево — ддрево.

— Но, дорогой мой, вы увлекаетесь. Почему же древо? Ведь наша задача формулировать как можно точнее...

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ

Руководитель проекта Кирилл Красник
Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Иван Лицук
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Наталья Бобкова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 05.10.2026.
Формат издания 60 × 84 $^{1}/_{16}$. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 27,9. Заказ № .

Изготовитель:
ООО «Издательство АЗБУКА» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»
в г. Санкт-Петербурге,
195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Санкт-Петербор қ.
«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербор,
Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru
Отпечатано в России.

www.azbooka.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: https://certification.atticus-group.ru/

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Обществе с ограниченной ответственностью
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

A-NFF-43241-01-R